

Из общего тиража каждого номера Институт «Открытое общество» выкупает и безвозмездно направляет в сельские библиотеки России 1700 экземпляров журнала «Звезда».

350 экземпляров журнала печатаются при поддержке комиссии по образованию и культуре Законодательного собрания Санкт-Петербурга (председатель Л. П. Романков) и безвозмездно направляются в школьные библиотеки Санкт-Петербурга.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации (1117 экземпляров).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Министерства печати и информации Российской Федерации № 01589 от 21 сентября 1992 г.

Учредитель: АОЗТ «Журнал «Звезда»

Директор Я. А. ГОРДИН

Соредакторы: А. Ю. АРЬЕВ, Я. А. ГОРДИН

Редакционная коллегия:

К. М. АЗАДОВСКИЙ, Ю. Ф. КАРЯКИН, И. С. КУЗЬМИЧЕВ,
А. С. КУШНЕР, Н. К. НЕУЙМИНА, Г. Ф. НИКОЛАЕВ,
М. М. ПАНИН, Б. М. ПАРАМОНОВ (Нью-Йорк), В. Г. ПОПОВ,
А. Б. РОГИНСКИЙ, Б. Н. СТРУГАЦКИЙ, С. С. ТХОРЖЕВСКИЙ,
А. А. ФУРСЕНКО, М. М. ЧУЛАКИ

Редакция:

М. М. ПАНИН, Н. А. ЧЕЧУЛИНА (проза); А. А. ПУРИН (поэзия);
Н. К. НЕУЙМИНА (публицистика); А. К. СЛАВИНСКАЯ (критика)
Зам. гл. редактора В. В. РОГУШИНА. Зам гл. редактора В. И. ЗАВОРОТНЫЙ
Зав. редакцией А. Д. РОЗЕН. Отв. секретарь А. А. ПУРИН
Корректоры: Ф. Н. АВРУНИНА, Н. В. ВИНОГРАДОВА, О. А. НАЗАРОВА
Компьютерная группа: Ю. А. СМИРЕННИКОВ, Н. П. ЕГОРОВА, А. В. МУРАТОВА

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Звезды» запрещена.
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Информацию о журнале «Звезда»
и материалы из всех номеров журнала
можно найти в INTERNET по адресу:
<http://www.infoart.ru/magazine/zvezda>.

Подписаться на журнал можно непосредственно в редакции.

Адрес редакции: 191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 20. Телефоны:
соредакторы и зам. гл. редактора — (812) 272-89-48, зав. редакцией —
(812) 273-37-24, редакция — (812) 272-71-38, факс — (812) 273-52-56
Отдел реализации — (812) 273-76-92

© «Звезда», 2001

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ВЯЧЕСЛАВ ВС. ИВАНОВ

МАЛЕНЬКАЯ ТРАГЕДИЯ

Не маленькая трагедия,
А большое трагедище,
Хоть третьего тысячелетия
И в помине нет еще.

Ракеты туда нацелены,
Где раньше летали ангелы.
А что б, иудей и элины,
Нам перечитать Евангелие?

Бессонница 21—22 декабря, 2000

ПУШКИН КАК ШУТ

«И я бы мог как шут [ви<сеть>]»
Пушкинский Дом, оп. 1, № 836, л. 37

И он бы мог висеть как шут
Гороховый — на огороде.
У нас поэта не спасут:
Чего велят Их Благородье?

И он бы мог как шут висеть
Среди казненных в балахонах.
Его опутывала сеть
Доносов, сыщиков, шпионок.

И чьи б домыслили умы
Ненаписавшие главы?
Ни Памятника, ни Чумы,
Ни Пугачева, ни Полтавы...

Ночь 21—22 декабря

Вячеслав Всеволодович Иванов (род. в 1929 г.) — литературовед и лингвист, академик РАН, директор Института мировой культуры МГУ, автор многочисленных книг и работ по истории литературы и языкознанию. Лауреат премии журнала «Звезда» за 1995 г. Живет в Москве и Лос-Анджелесе.

© Вячеслав Иванов, 2001

АЛЕКСАНДР СИМОНОВСКИЙ

2001 ГОД

Любовь приходит к финишу раньше нас —
чтобы махнуть флажком и развесить лавры.
Так сложилось: зашилась, не прижилась,
хотя, в общем, по-видимому, могла бы...

Мы любили и грезили наяву.
И бескрайнее счастье себе наметили.
Когда это было?! Года не назову.
Но помню, что в прошлом тысячелетии...

...

Золотая рыбка беспомощна в мире новом.
Я хочу, как пользователь опальный,
чтоб не сеть была, а любовь глобальной,
коль уж я не запрограммирован — зарифмован.

Даже если после увижу оскал грифона,
я надеюсь, что вовремя буду понят,
что меня и дети и внуки вспомнят
не по первым трем цифрам номера телефона,

а по буквам, ритмам, драматургии.
И, видя, как жизнь превращается в пыль и прах,
я пою псалмы, чтоб надуть паруса тугие,
и влегаю в небесные сферы на всех парах.

...

Я свет в окне, вернее — солнца луч —
необходим, несносен и колюч,
во мне есть ослепительность алмаза.
Я призрак завтра или тень вчера,
морщинка беззаботного чела.
Мне каждое мгновение жизнь зачла —
рассеяться могу, но не сломаться.

Я — радость. И у смертного одра
меня к себе не призовет хандра —
за борт ее швырну, как Стенька Разин.
И, удила нахально закусив,
широким жестом выведу курсив:
*«Когда-то я был молод и красив,
теперь же повзрослел и стал прекрасен».*

Александр Владимирович Симоновский (род. в 1972 г.) — поэт, автор книги стихов «69» (СПб., 2000). Живет в С.-Петербурге.

© Александр Симоновский, 2001

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

КЛАУДИО ПЬЕРСАНТИ

ПЯТЬ ПРОЩАЛЬНЫХ ПИСЕМ

Рассказ

Раньше я был в постоянных разъездах. Моя работа была невысказана без командировок, составлявших к тому же ее основную, наиболее тяжелую часть. Мне нелегко было ориентироваться в однообразной последовательности дней, проходивших в командировках, и с каждым разом становилось все труднее справиться с растущим чувством неудовлетворенности. Со временем я перестал опасаться иностранцев. Я просто считал, что их, как таковых, нет, а есть люди, привыкшие, в силу своих национальных традиций, есть обезьян или змей, водоросли или жареных кур. В самом деле, среди тех, с кем мне приходилось общаться, я встречал все больше интересных людей. По работе я часто обедал с ними, в мои обязанности входило внушать им симпатию и доверие.

У меня не было деловой хватки, тем не менее я неплохо справлялся с работой, умел поговорить обо всем на свете: ведь никому не нравится во время хорошего обеда слишком долго говорить о деньгах.

Как бы то ни было, всему этому неожиданно пришел конец. Командировкам, контрактам, обедам — всему.

Это случилось в Вене. Я только что вернулся в Европу и должен был встретиться с президентом моей фирмы Хорроксом и еще одним милым австрийским господином из Вены, любителем анекдотов. Я бывал в этом городе и прежде. Меня узнал портень гостиницы, в которой я уже останавливался, мне повезло. Это может быть понятно только тому, кому приходится часто путешествовать. Много зависит от внимательного отношения к вам портень. Только он умеет по-дружески обращаться с вами, при этом вряд ли ваш разговор с ним превысил когда-либо пять минут. Так было и на этот раз. Он вышел из-за стойки, чтобы пожать мне руку, и сказал: «Мы вас ждали». Как если бы ожидание было для него обычным явлением, а не следствием телекса, ничем не отличавшегося от других, ему подобных.

Мы поговорили о моей командировке в Африку (если не ошибаюсь, мой портень мечтал съездить туда в отпуск). Прежде чем я поднялся в номер, он поинтересовался, буду ли я ужинать в ресторане гостиницы. У меня были об этом ресторане хорошие воспоминания, так что я попросил портень зака-

Клаудио Пьерсанти (род. в 1954 г.) — итальянский прозаик и сценарист, автор романов «Ничей дом» (1981), «Шарль» (1986), «Злые взгляды людей» (1992), «Луиза и молчание» (1997, литературная премия Виариджио). Рассказ «Пять прощальных писем» («Cinque lettere d'addio») вошел в сборник «Любовь взрослых» (1989). Книжки Клаудио Пьерсанти переведены во Франции, США, Германии, Греции, Португалии и Аргентине. Живет в городе Иези.

© Claudio Piersanti, 2001

© Наталия Малинина (перевод), 2001

зять столик на троих. Вскоре после того, как я расположился, в дверь моего номера постучали. Это был официант, который, в знак приветствия, принес мне вино и сыр. Столь любезным обращением, несомненно, я был обязан моему верному другу. Вино, предстоящий ужин с приятными людьми, уютный номер — все это способствовало моему хорошему настроению. Первая часть вечера прошла великолепно. После ужина я немного прогулялся и через час вернулся в гостиницу. Поболтав с портье, я поднялся в номер. У меня была с собой пара журналов, а также итальянская газета, которую я привез из аэропорта.

До того дня я не знал, что такое физическая боль, но сама мысль о ней постоянно беспокоила меня. Я боялся заболеть в переездах, вдали от дома и семьи. В тот вечер боль, словно шпага, пронзила меня так остро, что я обесилел, и у меня перехватило дыхание. Время, потребовавшееся мне для того, чтобы подложить под спину подушку, казалось вечностью. Боль не ослабевала, но теперь, по крайней мере, мне было легче дышать. Я вообразил, что у меня остались считанные минуты жизни, и обратился к молитве. «Господи, — сказал я про себя, — прости меня, я все время сомневался в твоём существовании, и да спаси меня, если я не заслуживаю такого мучения». Потом я было подумал, что умираю, но все же пришел в себя. Меня знобило, а боль становилась все острее. Я схватил телефонную трубку и стал наобум нажимать на кнопки, пока не услышал на другом конце провода вежливый голос портье. Теперь я знал, что меня не оставят на произвол судьбы и будет сделано все возможное для моего спасения.

Прошло несколько минут, мой номер заполнился людьми, говорившими на немецком языке. Портье, с серебряными ключами в петлице, наклонился надо мной и спросил по-английски: «Что у вас болит?» У меня болело все, к тому же я не мог говорить. Кажется, я улыбнулся, так как он тоже улыбнулся и слегка пожал мне руку. «Вот-вот будет врач», — проговорил он. Но я уже был без сознания, и мне грезилось, будто я гулял в голом виде по оживленной улице, и люди вокруг меня тоже были голыми. От несуществующей одежды оставались одни карманы, подвязанные шелковыми тесемками к груди или талии. Эти ленты, их цвет и то, как они были завязаны, и представляли нашу моду.

Я очнулся в больничной палате. Позднее я узнал, что меня поместили в университетскую клинику на Альсер-штрассе, неподалеку от гостиницы.

За окнами я видел небо и кусочек Вены, которая только начинала просыпаться. По небу я определил, что в городе очень холодно. Мне было лучше и уже не страшно. Врачи были со мной очень любезны. Один из них (по имени Ханно) рассказал мне о пациенте, который, вопреки советам медперсонала, отсоединил капельницу и датчики, после чего покинул больничное отделение. Суть всей этой истории должна была заключаться в так и не понятой мной финальной фразе на немецком. Ханно объяснил, что мне нужен полный покой, поэтому со мной не намеревались больше разговаривать. Последующие пятнадцать часов я провел в абсолютном молчании.

Потом приехала моя жена в сопровождении Хоррокса, и через пятнадцать дней я покинул Вену и вернулся в Италию.

У меня не было никакого желания возвращаться на работу. Получив приличную сумму от страховой компании, я решил пожить некоторое время в свое удовольствие.

Я хотел посвятить себя семье, старым друзьям, которых давно не видел, — вообще я хотел начать жизнь заново, без забот и тревог. Однажды я пригласил на ужин Томмазо, человека симпатичного и застенчивого, вегетарианца, получившего несколько лет назад профессуру по англо-американской литературе. Хотя я и сам нередко воздерживался от мяса, на этот раз я все же решил приготовить себе филе. Мне необходимо было укреплять здоровье, я чувствовал себя переутомленным. Выслушав мой рассказ о внезапном недомогании, Томмазо сказал, что нечто подобное читал в романе Уильяма Фолкнера «На смертном одре». «Надо будет обязательно купить», — по-

думал я. Но в книжных магазинах о таком романе ничего не слышали, не значился он и в каталогах. Я даже пошел в библиотеку, правда, так и не решился зайти в нее. Даже в детстве я с трудом мог заставить себя переступить ее порог. Мне казалось, что ее полные знаний стены отвергали меня, тысячи пронумерованных корешков подтверждали мое невежество. Если учесть к тому же, что мой отец был владельцем типографии, можно представить себе коллизию. Так мне и не довелось прочитать этот роман.

Томмазо, конечно же, заметил произошедшие во мне перемены. Но ничего мне не сказал. Жена и дети тоже давно уже все видели. Из моих первоначальных намерений радоваться жизни ничего не вышло. Я избежал смерти, но не чувствовал в себе жизни, а уж постоянный отдых и бездействие тем более не шли мне на пользу. Теперь я знал, что никому не удастся избежать своей участи: ни моему младшему сыну, ни растениям, ни предметам. Никому и ничему. Земля казалась мне грязным камнем, выброшенным в никуда. Я не видел для себя спасения. Это может показаться странным, но я так и ощущал себя: случайно (и только временно) живым. Моя душа ненадолго ушла за облака и увидела там... кто знает, что она там увидела, но теперь я хотел вернуться именно туда, наверх. Здесь, внизу, я был страдающей и даже немного комичной эктоплазмой. Я делал странные и бесполовые вещи. На телефонный вопрос: «Разве вы не господин Блазио?» — я мог ответить: «Нет, это его призрак».

Один только Джулио, мой младший сын, которому в то время было семь лет, серьезно отнесся к моему новому состоянию. Он поделился своими впечатлениями с двумя школьными товарищами, и те, приняв на веру услышанное, пришли посмотреть на меня в тот момент, когда я копал огород. Они даже не вошли в калитку. У них не осталось никаких сомнений. Я смотрел на них так, как на некоторых картинах грешники смотрят на порхающих в небесах ангелов.

Карла и Паоло, мои старшие дети, считали меня остроумным, таким образом я убедился в том, что в шестнадцать лет можно уже быть порядочными лицемерами. А моя жена беспокоилась, так как я вел странные разговоры.

«Все у тебя еще должно наладиться», — говорила она, просыпаясь по ночам и заставляя меня сидящим в постели.

«Все хорошо. Мне просто не спится».

«И ты больше не чувствуешь себя призраком?»

«Нет, нет. — И, для большей убедительности, я раздражался смехом. — Каким еще призраком?»

«Тогда спи. Попробуй заснуть. Я так хочу спать».

И она тут же засыпала, а я продолжал отчаиваться. В одну из таких бессонных ночей я написал ей свое первое прощальное письмо. «Дорогая! И вот ты опять заснула, и я снова один. Не бойся той картины, которую ты застанешь в ванной (в другой редакции я писал: в гостиной), это уже не я. Попроси за меня прощения у детей. Я прошу прощения и у тебя. Что касается дома... (далее следовали почти нотариальные указания). Иногда мне кажется, что я не люблю ни тебя, ни детей. Это страшно. Я знаю, что я болен. Спасибо за все. Не поминай лихом. Пьетро».

Вложив письмо в конверт, я направился в ванную, но только для того, чтобы убедиться, что самоубийство, по крайней мере в эту ночь, не состоится. Неоновая подсветка зеркала исказила бы меня в глазах детей, а я и живым, как мне казалось, выглядел уже довольно безобразно. Бледный, с опухшими глазами, я держал в правой руке блестящее лезвие, которым я бы никогда не осмелился перерезать себе вены. Я лег в постель в подавленном состоянии, но, возможно, как раз оно и придавало мне уверенность в неизбежности моего исчезновения. Я больше не в состоянии был находиться среди людей.

Это была первая стадия моей болезни, за которой последовали другие, еще более хаотичные. О них свидетельствуют пять писем, хранящихся стоп-

кой в закрытом ящике моего письменного стола. В то время в общей сложности я написал и разорвал более двухсот писем. Потом я сжигал их в ванной. Не все мои послания предназначались для уничтожения, некоторые из них не могли быть доставлены ввиду того, что местонахождение адресата было неизвестно (я тоже хотел быть безадресным). Я писал письма канализации, морю, облакам.

Убедившись, что никто уже не может понять меня, я вернулся в прежнее состояние, и все были этому рады. Но, как только я закрывался у себя в кабинете, я продолжал писать безжалостные прощальные письма.

«Дорогая! Ты помнишь то время, когда мы продавали дом моего отца? — Так начиналось мое второе письмо жене. — Я не думал, что ты такая жагная. Мне было стыдно за тебя во время переговоров о купле-продаже. Жагная, обманщица, и к тому же непорядочная. С покупателями, с моей сестрой, со всеми. Именно тогда и зародилась моя нелюбовь к тебе. Что касается городка, в котором ты родилась, знай, что самые маленькие города Марокко намного приятнее и динамичнее его. Ты родилась в гермовом месте. Я должен был тебе это сказать. Не обижайся, я хочу быть не жестоким, а только откровенным.»

Ты хорошая мать, и ты прекрасно без меня справишься. Что касается дома... (шли привычные указания). Вероятно, от прощального письма ты ожидаешь чего-то более значительного, но, увы, у меня мало мыслей, а те, что есть, неинтересны. Бог меня не волнует, если это то, что ты хочешь от меня услышать. Будь он близок или далек, жив или мертв, я уверен, что он оставит меня в покое. Ему, наверное, уже известно о моем скверном характере. Кто знает, может, мне и удалось быть остроумным в моем прощальном письме? Обнимаю!»

Я запечатал письмо и попробовал вообразить себе мир иной, поскольку никогда не имел о нем никакого представления. Он был серый и мрачный, и я бесцельно, с трудом пробирался по нему: все кругом было серо.

Осененный внезапно абсурдной идеей, я заперся в ванной. Я разорвал упаковку шприца и принялся тыкать острием иглы в кожу руки. Боли я не чувствовал, хотя вену найти было нелегко. Абсурдная идея закрывалась в том, что я решил себя обескровить. «Вот так я и уйду, я уже ухожу», — говорил я себе, брызгая кровью в раковину. Чтобы не оставлять пятен, я открыл воду.

Я потерял сознание, опорожня от крови второй шприц. Утром я не мог дать себе разумного объяснения по поводу сломанного во рту резца, и мне не оставалось ничего другого, как, вместо завтрака, отправиться к зубному врачу. Мне удалось записаться на прием на десять часов, и у меня оставалось достаточно времени для того, чтобы просмотреть газеты в баре, в котором я одно время был завсегдатаем. Я уже год там не появлялся и сейчас шел туда без особого удовольствия. Если не считать официантов, знакомых я там не встретил. Устроившись за угловым столиком, я заказал себе обильный завтрак. Затем я пролистал, не читая, две газеты и, наконец, принялся за еду. Никому здесь не было дела до моего отсутствующего резца, так что я мог спокойно кусать наискось тартинки, словно изголодавшаяся собака.

Когда я допил кофе, ко мне подошел официант, чтобы обратить мое внимание на большую статью местной хроники одной из газет, в которой говорилось о предстоящих выгодных контрактах моей бывшей фирмы. В подтверждение этого с некрасивой фотографии в рекламном стиле улыбался Хоррокс (этакая благородная англо-итальянская помесь).

«У вас сломан зуб?» — спросил официант. Он смотрел на меня и с отращением указывал пальцем на свой резец.

«Да», — ответил я.

Казалось, он был расстроен этим, но потом на его лице появилась улыбка. Он еще раз внимательно посмотрел на фотографию моего бывшего шефа и сообщил мне, что сразу узнал его. Напоследок украдкой взглянув на мой рот, он вернулся к стойке. Возможно, в сломанном резце он видел дур-

ное предзнаменование: у меня был сломан зуб, в то время как с газетной полосы ослепительно сияла улыбка Хоррокса.

Очевидно, я не пригодился Хорроксу для его дел, процветавших и без меня. Не нужен я был таким бессильным жене и детям. Подобно бомбе (бессмысленному отголоску войны), обнаруженной при раскопках, я все еще не терял надежды на взрыв.

Я безбоязненно пошел на встречу с зубным врачом. Фотография Хоррокса не давала мне покоя. Когда-то мы были с ним в доле, но у него, в отличие от меня, было много денег: поэтому он руководил, а я исполнял. «Ну какого черта я вспоминаю об этом, — говорил я себе, — я уже обречен». Я попросил у зубного врача зеркало и безучастно осмотрел его работу.

Когда мне позвонил Хоррокс, на месте резца у меня уже стоял протез.

«Ты видел газету?» — первым делом спросил он.

«Тебе это, должно быть, дорого обошлось».

«Ничего подобного. Это сушая правда. Десять контрактов за два месяца, девять миллиардов лир. Но в этом есть и твоя заслуга, четыре контракта были твои. Когда мы можем встретиться?»

«Завтра. Я ведь теперь всегда свободен».

«А сегодня вечером?»

«Скоро уже десять, и вообще вечером я никуда не выхожу».

«Ты все еще плохо себя чувствуешь?»

«Не знаю. Хоррокс, а в чем, собственно, дело?» — Казалось, что, называя его по фамилии, я тем самым насмеялся над ним.

«Завтра я к тебе заеду и все объясню».

«Хоррокс!..»

По-видимому, он, как всегда, был уверен в том, что задумал. На следующий день он бы приехал на машине, полагавшейся ему в силу занимаемого положения, и принялся бы влиять на меня посредством той магической силы, которую он себе приписывал. Я вернулся в гостиницу и устроился рядом с дочерью, которая красилась и одновременно смотрела телевизор. Я думал о том, что миром правят такие люди, как Хоррокс. Я устал, и у меня закрывались глаза.

«Ты уже спишь», — раздраженно заметила моя дочь.

Не удостоив ее ответом, я перешел в свой кабинет и закрыл за собой дверь.

«Дорогой Хоррокс, — писал я в тот вечер, — для меня ты всегда будешь пухленьким ребенком, что смотрит со старых фотографий. Твоим безупречным, с иголочки, нарядам так и не удалось скрыть пестрого костюмчика и соски, подвешенной к шее. Обращаюсь с прощальным словом и к тебе, так как тебе я обязан своим материальным благополучием. Если бы не ты, я бы не смог купить этот дом. Когда мы познакомились, у меня не было за душой ни гроша. На мне был единственный костюм, а галстуки я одалживал у отца. Спасибо тебе, Хоррокс.»

Я все время полагал, что недостаточно работаю для того, чтобы оправдать получаемые мной зарплату и премиальные, которые ты выдавал мне в конверте. И те положительные чувства, которые ты проявлял ко мне, — да, да, ко мне, кого трудно назвать располагающим к себе, — кажутся мне незаслуженно присвоенными. Вот уж не знаю, почему такой угрюмый человек, как я, всегда вызывал симпатию. Все эти годы я содержал семью благодаря какому-то недоразумению. Хоррокс, между нами говоря, мы оба прекрасно знаем, что ничего собой не представляем. Просто ты открыл путь, по которому проходят деньги, и удобно устроился у его обочины. А я был тебе в этом компаньоном. Но, впрочем, я не умею делать ничего другого, до сих пор мне даже не удалось... (но теперь, когда все уже позади, ты знаешь, что я способен на это).»

В знак дружбы я разрешаю тебе не приходить на мои похороны, но думаю, что ты все равно придешь, очень уж тебе нравится одеваться в черное. По такому случаю купи себе вечернюю соску».

Моя жена ушла в кино, старших детей тоже не было дома. Младший сын спал перед своим телевизором. Я не решился разбудить его, он бы заплакал. С тех пор как у меня исчез, а потом неожиданно появился зуб, он принимал меня за злого призрака и обвинял в пропаже какой-то игрушки. Если не считать телевизора, в доме не было других включенных приборов, и я вольготно чувствовал себя в полутьме. Если бы я был призраком, я бы так же вольготно расхаживал по квартире. Я был спокоен. Я мог исчезнуть, когда хотел, — это была правильная формула. Перед тем как лечь спать, я приписал постскрипtum к прощальному письму Хорроксу:

«Хоррокс! Я часто пользовался служебным телефоном в частных целях. В командировки я не раз брал с собой грязное белье, а прачечные расходы включал в счет за гостиницу. Прости меня».

Я ждал Хоррокса к одиннадцати, но он явился только в полдень.

«Я не буду утомлять тебя бесконечными разговорами, — начал он. — Проще будет, если я скажу тебе, что я никому не доверяю. Работы прибавилось, но все только и делают, что на что-то сердятся и сплетничают».

«А при чем здесь я?»

«Ты должен вернуться. Если ты вернешься, я опять возьму тебя в долгу».

«Ты с ума сошел. Ты забыл, что со мной произошло?»

«Возвращайся когда хочешь. Я освобождаю тебя от командировок. Я только хочу, чтобы все было под твоим контролем».

«Ты действительно сошел с ума».

«Вот что я тебе скажу. Я говорил с твоим врачом перед тем, как позвонить тебе».

«Ну да?»

«И он считает, что работа пошла бы тебе на пользу. Без преувеличений, конечно, но немного деятельности — это как раз то, что тебе нужно. Тебе пятьдесят, а не сто, ну на кой черт ты здесь сидишь? — И он в изумлении огляделся по сторонам. — Я бы свихнулся».

«Хоррокс, ты меня ставишь в затруднительное положение».

«Ты думаешь, меня это интересует? Подумай до понедельника. Вот, посмотри, это черновой вариант твоего контракта. Ну, я пошел. — Замешкавшись в дверях, под конец он выдал: — Знай, что если ты не согласишься, я не приду даже на твои похороны».

Хоррокс далеко видит, но у него нет интуиции. Он старше меня и умрет в преклонном возрасте, в окружении изящных медсестер. Вероятно, он с нетерпением будет ожидать попадания на самый большой рынок, который когда-либо знало человечество: сотни тысяч душ, богатых всякой всячиной. Я проводил его глазами до машины и успел отметить, что она была забрызгана грязью. По всей видимости, ночью он был в пути. Ознакомившись с контрактом, я пришел в изумление. Хоррокс предлагал мне огромные деньги. Я был уверен в том, что между этим предложением и моими прощальными письмами существовала какая-то связь. На самом деле все эти цифры и проценты говорили: «Ты прав, у тебя имеются все основания быть недовольным, но теперь хватит, мы обещаем тебе достойное вознаграждение. Не упустит этот шанс».

Я сразу ответил, но по-своему, и, уж конечно, не Хорроксу.

«Дорогая сестра, ты, как всегда, уже обо всем знаешь, поэтому я мог бы быстро попрощаться с тобой. А мне как раз жаль, что тебя нет рядом со мной, я бы хотел слышать все то, что ты говоришь обо мне. Мы не должны были продавать папину типографию, нам надо было расширить ее. Мы рано обеднели, это верно. Сколько раз я каялся! И по поводу раздела дома... Да, я и это помню. И как раз сейчас, когда я сдался, появился просвет».

Хоррокс предлагает мне сумму вдвое больше той, что он платил мне раньше, и только за то, чтобы я помогал ему. Не знаю, получишь ли ты это письмо сразу или через несколько лет. Это уж ты сама увидишь. Так или иначе, я давно уже хотел тебе что-то сказать. Я отчетливо помню те дни, когда ты готовилась к выпускным экзаменам. Ты была прекрасна. Притво-

ряясь спящим на твоей кровати, я наблюдал за тобой. Я делал это и тогда, когда ты любовалась на себя в зеркало. Ты мне нравилась, и я восхищался твоей фигурой. Себе же я не нравился. Я был убежден в том, что мир принадлежит красивым, черпающим из своей красоты силу и характер, которых у меня как раз и не было».

Я все время придерживался этого ошибочного и необъективного мнения. Три твоих мужа свидетельствуют о том, что оно имелось (а, возможно, и осталось) и у тебя. Да, ты права: я был заурядным человеком. До двадцати лет моими грузьями были твои поклонники. Я всегда жил в чем-либо отражении: после тебя моим солнцем стал Хоррокс. Взамен красоты пришли деньги и изворотливость. Час от часу не легче. Но в этом виноват только я. Я не испытываю конкретной ненависти, я ненавижу все. И я доволен тем, что ухожу».

Вложив в конверт два аккуратно сложенных листа, я написал на нем, рядом с именем сестры, фамилии трех ее мужей. Я не смог удержаться от этого маленького коварного жеста, тем самым я хотел оживить в сестре три образа: смерти, Сакра Руоты¹ и супружеской тоски.

Что и говорить, от предложения Хоррокса у меня улучшилось настроение. Но, как ни странно, это повлекло за собой нечто новое — мелкие колкости, которые я стал отпускать в адрес окружающих меня людей. Первой это испытала на себе моя дочь Карла, собиравшаяся куда-то после обеда. Она была смешна и неприятна, как всегда с тех пор, как ей исполнилось тринадцать лет. Она некстати захотела узнать мое мнение по поводу своего наряда. «Я бы не показался на людях с такой расфуфыренной, как ты», — был мой ответ. На что она кинула в меня свою сумочку.

Я решил прогуляться до заката. Клонившееся к горизонту солнце окрашивало небо в красный и голубой цвета. Близился конец рабочего дня. Кругом было заметное оживление. После стольких месяцев уединения меня все это привлекало. На церковной площади бойскауты продавали календари. Я остановился и пролистал один календарь. На каждой странице был небольшой текст о мире, о новых видах вооружения, разрушениях, загрязнении... Эта информация не заинтересовала меня, а, напротив, вызвала только раздражение: я не сделал ни покупки, ни пожертвования. Я считал аморальным способствовать такому спасению мира, подавлявшему больше, чем какое бы то ни было разрушение. «Не доверяй доброте, усердию и оптимизму!» — кричал мой внутренний голос.

Я пошел в кино и проспал там до семи часов. Когда я вернулся домой, у меня появилось огромное желание принять горячую ванну. Погрузившись в воду, я глубоко и облегченно вздохнул: это были вздохи — предвестники душевного покоя. Я принялся утешать себя, плавно массируя плечи и грудь и произнося при этом нежные материнские слова, — именно там, где я пытался обескровить себя, в ванной, обогреваемой с помощью радиатора парового отопления, того самого, на котором я не раз намеревался повеситься. Если бы я сразу рассказал об этом своим детям, они бы не приняли этого всерьез. Но я уверен, что, когда они будут читать эти страницы, они не будут смеяться.

В понедельник я сообщил Хорроксу, что принимаю его предложение. Он уже оборудовал для меня отдельный офис. Судя по всему, ему не терпелось произвести на меня сильное впечатление. Не в силах скрыть свое возбуждение, он сразу заехал за мной. Кто знает, может, он делал деньги как раз для того, чтобы переживать подобные минуты радости. «Тебе нравится? Я дарю тебе это», — яснее слов говорили его глаза. Удобные кресла, красивые кар-

¹ Высший суд католической церкви, который принимает решение о расторжении брака, заключенного религиозным обрядом. В случае положительного исхода лицо, подавшее заявление, может вступить в повторный религиозный брак.

тины — во всем чувствовалось заботливое участие лучшего архитектора города. Мое внимание было привлечено небольшим изящным письменным столом (Хоррокс не хотел отпугнуть меня крупными габаритами) и дверью, которая вела из небольшого зала для посетителей в очаровательный дворик с колодцем. Вообще говоря, из моего нового офиса открывалась идиллическая панорама.

Для начала Хоррокс передал мне пару контрактов, нуждавшихся в доработке. Я взял в привычку очень рано начинать свой рабочий день и заканчивать его в час дня. Ко мне теперь приезжали те люди, с которыми я в течение многих лет встречался в их городах, и все они знали, что меня можно застать только в первой половине дня. Как правило, после обеда я отдыхал, потом смотрел телевизор или читал.

С каждым днем я чувствовал себя все лучше и лучше. Это объяснялось еще и тем, что я получал гораздо больше, чем предполагал. За год я смог бы заработать солидную сумму, в два раза больше всей моей пенсионной премии.¹¹ Таким образом, я решил повременить со своей кончиной. Я не торопился уходить тогда, когда можно было пожить со всеми удобствами.

Как-то раз я пригласил на ужин мою сестру. Я хотел показать ей новую мебель и покорить ее дорогим подарком. В первый раз за все годы она пришла не с одним из своих мужей или женихов, а с подругой, которую звали Эльвира. Это была симпатичная и жизнерадостная женщина. Моя сестра привела ее с собой не случайно: она хотела пополнить мое неожиданное счастье любовницей.

За ужином я вскользь упомянул о моей мечте приобрести загородный домик. Надо сказать, что это довольно распространенное желание людей моего возраста.

«Ну так и купи его сразу», — посоветовала сестра.

«А вот у меня он есть, но я никогда туда не езжу», — призналась Эльвира.

Ее скромный загородный домик, который я у нее купил, стал моим вторым домом, а сама Эльвира в течение нескольких месяцев действительно была моей любовницей. Во время наших встреч в домике мы все время были не иначе как голые. Именно в таком виде и застал нас Хоррокс, появившийся однажды без предупреждения. Эльвире понадобилось больше времени, чем мне, на то, чтобы одеться, и когда она наконец присоединилась к нам, с ее правого плеча, словно признание, соскользнула бретелька.

«А почему бы вам не переехать сюда? После ремонта это будет не дом, а прелесть».

Хоррокс легок на подъем, когда речь идет о переменах вообще, а уж мою личную жизнь он всегда считал слишком монотонной.

«Хоррокс, — пригрозил я, — тебя надо свести с моей сестрой. Она тоже всегда хочет командовать мною».

«Дорогая Эльвира, — писал я в ту ночь, — теперь ты знаешь, почему я не хотел, чтобы наши отношения выходили за пределы домика. Нежная и отзывчивая, ты влила в меня свежую струю жизни. К сожалению, слишком поздно. Я не в состоянии начать новую жизнь, и мне не верится, что мы сможем быть счастливы. Ты явилась ко мне как гар. Аромат твоего тела, твоя красота... Пусть моя семья тебя не смущает. О нас все известно: все обошлось без потрясений. Постарайся сохранить обо мне приятные воспоминания. И еще... Пожалуйста, приноси мне иногда цветы. Мне приятно льстить себя надеждой на то, что ты, думая обо мне, будешь говорить: «Да, он был, больше его нет, но он был». Целую и обнимаю! Так я никогда и не узнаю, что тебе нравилось во мне. Пьетро».

¹¹ По существующему на сегодняшний день в Италии законодательству, при выходе на пенсию граждане получают одновременную премиальную сумму, складывающуюся из ежегодных отчислений из зарплаты в своего рода премиальный пенсионный фонд.

Вложив в письмо чек (я знал, что Эльвира не купалась в деньгах, и она бы не обиделась на это), я вышел из дома.

Несмотря на туман, меня тянуло за город. Когда я съехал с магистрали, туман стал гуще, и мне пришлось даже выйти из машины, чтобы убедиться, не проехал ли я поворот. В домике еще велись ремонтные работы, и на подъезде к нему машина забуксовала в куче песка. Я не обратил внимания ни на то, что машина застряла, ни на то, что в мои ботинки забился песок. «Это мое последнее путешествие, — думал я, — положительный цикл завершен».

В доме было холодно. Единственное отопление составляли электрические печки. Сквозь туман начинала пробиваться утренняя заря.

Несколько минут я неподвижно стоял под включенной лампой. Я был настолько возбужден и сверхчувствителен, что не сомневался в благотворном действии нагретой электрической лампочки. Согревшись, я снял пальто и лег в постель, которая хранила запах Эльвиры. Мои мысли были обращены к ней. Проглотив таблеток десять снотворного, я проспал тридцать пять часов. Когда я встал, мне каким-то образом удалось высвободить машину из песка. Спросонок я не в состоянии был осознать, что произошло нечто более важное: я выздоровел.

С того дня прошло четыре года, вокруг стоит все тот же туман, но я теперь совсем другой. Не знаю, почему меня потянуло извлечь эти письма и еще раз пережить тот странный, казавшийся бесконечным период.

Я не стану рассказывать о моей сегодняшней жизни: все идет своим чередом. Я вспомнил те дни, потому что тогда за меня действовал другой человек. Я хочу, чтобы мои дети знали это. Богатство, которое они получают (благодаря Хорроксу), пришло ко мне тогда, когда я его вовсе не желал и ничего не сделал для того, чтобы заслужить его. Вот это мне пока и не дает покоя. Когда я встречаю бизнесмена, его глаза, как мне кажется, выдают то болезненное состояние, в котором когда-то пребывал и я. Это всего лишь подозрение, тем не менее я считаю своим долгом поделиться им в письме, которое я адресую своим детям.

Перевод с итальянского Наталии Малининой
под редакцией Донателлы Поссамаи